

ПОЭТ ОЗНОБИШИН В СМОЛЕНСКЕ

Владимир ЗАХАРОВ, кандидат филологических наук

Литературная деятельность Дмитрия Петровича Ознобишина (1804—1877) продолжалась более полувека: с 1820 года, когда в альманахе «Каллиопа» появилось его стихотворение «Трубадур», до семидесятых годов — однако в сознании читателей он был и остается поэтом пушкинского времени. Именно тогда, в 20—30-е годы, сложились его художественные вкусы, стихотворная техника, и была достигнута наивысшая для него известность. На личности поэта лежит явственный отпечаток «золотого века» русской литературы, того блестящего окружения, в котором проходила его молодость.

Поступив в 1819 году в благородный пансион Московского университета, Ознобишин вошел здесь в известное «Общество друзей» С. Е. Раича, в котором вместе с ним состояли такие знаменитые впоследствии люди, как В. Одоевский, М. Погодин, С. Шевырёв, смолянин В. Андросов и др. Позднее происходит сближение с «любомудрами» (Д. Веневитинов, братья Киреевские, А. Кошелев и др.). «Архивные юноши», как известно, отличались высоким уровнем образованности и культуры, однако, Ознобишин даже среди них выделялся осведомленностью в иностранных литературах, в том числе, что было уже совсем большой редкостью, в литературах восточных. Оно, впрочем, и немудрено, если учесть, что, помимо древних (латинских и греческого), молодой человек овладел целым рядом живых, современных языков: французским, немецким, английским, итальянским, шведским, позднее арабским и персидским. С течением времени не менее, чем оригинальный писатель, он становится известен своими переводами из Хафиза, Низами, Саади, Парни, Ламартина, Гейне, Мура, А. Шенье, Шамиссо и др. Мы находим поэта в числе знакомых Пушкина, Грибоедова, Боратынского, Вяземского, Тютчева...

Интерес Ознобишина к другим народам и культурам, к новым местам и людям находил выражение также в его неутолимой страсти к путешествиям. То и дело под разными благовидными предлогами пускается он в ближние и дальние поездки, так что в конце концов исколесил едва ли не всю европейскую Россию, побывал на Кавказе, в Польше, объездил Псковскую, Владимирскую, Олонецкую губернии, не говоря уж о родном для него Поволжье. Сосед Ознобишина по оренбургскому имену известный поэт Н. М. Языков, удивляясь беспокойной жизни своего друга, как-то даже предостерег его от дорожных излишеств, малоподходящих для служителя муз, и посоветовал подольше задерживаться дома и почаще держать в руках свою «золотую лиру».

«Где ты странствуешь? Где ныне
Мой поэт и полиглот
Поверяет длинный счет?
Чать в какой-нибудь пустыне,
На берегу бесславных вод,
Где растительно живет
Человек, где и в помине
Нет возвышенных забот!

Или кони резвоноги
Мчат тебя с твоей судьбой
В дождь осенний, в тьме ночной
По извилинам дороги
Нелюдимою и лесной?» и т. д.

Дружеские советы не действовали. В 1840-е годы Ознобишин еще шире раздвигает свои горизонты и посещает Англию, Францию, Италию, Швейцарию, Турцию, Мальту...

* * *

Трудно сказать, какие «извилины дороги», какие дела и связи привели «поэта-полиглота» — где-то в конце сороковых годов — в Смоленскую губернию, но, как бы там ни было, Ознобишин не только побывал в наших краях, но прожил здесь довольно длительное время — по меньшей мере несколько лет. При этом заботы его, судя по всему, были уже далеко не литературного свойства. Пик творческой деятельности Ознобишина остался позади, он утратил былые тесные связи с литературным процессом и, по некоторым сведениям, занимался таким малопозитивным делом, как финансовые — по откупам — операции. Тем не менее и смоленский период его жизни не остался вовсе бесплодным в творческом отношении и ознаменовался рядом публикаций, имеющих биографический, а для нас сегодня — и местный, краеведческий интерес.

Первым отзвуком смоленских впечатлений и встреч Ознобишина является написанное, согласно авторскому указанию, 28 декабря 1852 года в Смоленске стихотворение «Была пора» — одно из лучших во всем позднем творчестве поэта. Проникнутое ностальгической печалью о днях молодости, об утраченных надеждах, о «музе» и любви, оно словно бы подводит итог лучшей поре жизни и творчества, предвосхищает горькое время старости и забвения.

Была пора! Мне муза молодая
Беспечною спутницей была
И, кудрями у юноши играя,
По имени так ласково звала.

Доверчиво глядел я в очи милой,
Я лепет уст смеющихся ловил:
Надеждами, восторгом сердце жило...
Была пора! — я плакал и любил...

Все унесло в полете быстром время,
Сроднился я с бессонливым трудом,
Чело браздит забот тяжелых бремя,
И кудрей шелк оделся серебром.

Подчас в груди встает невольный ропот,
О прошлых днях ревнивая тоска!..
Убил мечты неумолимый Опыт...
Готов рыдать... Нет слез у старика!

Личный, интимный подтекст этой прочувствованной элегии 48-летнего поэта составляют, судя по всему, воспоминания о безвременной кончине в 1847 году его жены Елизаветы Александровны. Женщина образованная и любящая, она действительно была, что называется, «музой» Ознобишина, вникала в его литературные заботы, давала советы, поддерживала вдохновение. Смерть ее знаменовала для него границу молодости и старости, счастливого прошлого и безрадостного настоящего, начало нового времени, иной литературной эпохи, в которой для его поэзии уже не будет места. С другой стороны, стихотворение посвящается некоей Е. П. Забелло, всколыхнувшей в усталом сердце эту «ревнивую тоску», «невольный ропот» на ранние седины и быстротекущее время. Кто является адресатом стихотворения? Комментаторы не дают ответа. На наш взгляд, виновницу пережитых поэтом противоречивых чувств надо искать в семействе хорошо известного в тогдашнем Смоленске инспектора врачебной управы Франца Забелло, знакомство Ознобишина с которым вероятно не только ввиду малочисленности местного интеллигентного круга, но и в связи с нездоровьем писателя, недавно именно по этому поводу совершившего вояж к заграничным целебным источникам.

В странствиях по городам и весям обширной российской империи Ознобишин никогда не удовлетворялся впечатлениями скучающего туриста, отнюдь не праздное любопытство вело его из столиц в провинцию, из одной губернии в другую. С молодых лет он живо интересовался историей своей страны, культурой и обычаями ее народов. В свое время им было записано множество симбирских, псковских, украинских крестьянских песен, частично переданных затем в распоряжение близко ему знакомого собирателя И. В. Киреевского. Еще значительнее достижения Ознобишина как пионера чувашской и мордовской фольклористики. В конце концов и в этой специфической области он стал заметной фигурой, занял видное место в истории изучения отечественного народного творчества. Фольклорными мотивами, народным мироощущением проникнуты некоторые из существенных его произведений. Не случайно, по-видимому, стихотворение «Чудная бандура» со временем вошло в обиход как популярная, до сих пор любимая народная песня («По Дону гуляет казак молодой...»).

Не стали исключением в этом смысле и смоленские годы. Находясь в нашем городе, Ознобишин увлеченно занимается историей края, изучает достопримечательности, ищет одаренных людей из простого народа. Поэт даже входит в состав губернского статистического комитета, в котором и вокруг которого группировались в ту пору любители местной старины во главе с производителем комитетских работ Феофилактом Лукичом Никифоровым. В 1856 году в издаваемом статистическим комитетом ежегоднике «Памятная книжка Смоленской губернии» появляется статья Ознобишина «Смоленская святыня» и включенное в нее одноименное стихотворение — о героическом прошлом города и об иконе смоленской богородицы Одигитрии, «список» с которой незадолго до того, в связи с началом Крымской войны, был отправлен от имени смолян в Петербург в адрес наследника престола цесаревича Александра¹. Судя по статье, автор ее уже совсем неплохо знаком с основными событиями местной истории. Вместе с тем статья свидетельствует о росте религиозных настроений, если не мистицизма стареющего писателя, который даже неудачу англо-

французского флота в Балтийском море, на подступах к Петербургу, склонен объяснять чудесным действием посланной в столицу святой смоленской реликвии. Столь же похвальными христианско-патриотическими чувствами военной поры проникнуто стихотворение «Смоленская святыня». Созданное явно «по случаю», риторическое и выпреннее, оно далеко уступает по качеству лучшим образцам лирики Ознобишина.

Есть икона чудотворная
Над Вратами у Днепра.
Риза вся на ней узорная,
Из литого серебра.

Жемчуг, яхонты огнистые
На иконе той блещут;
И, как жар, горит Пречистья
Раззолоченный наряд.

Было время: перед битвами
Шла победная Она,
За царя, за Русь с молитвами
Верным строем несена.

Гордо встретили Могущую
Очи дерзкого врага,—
И зарыли рать бегущую
Неба чуждого снега.

На Вратах достойно чтима,
Днесь Смоленск она хранит!
И лампада негасимая
День и ночь пред Ней горит.

День и ночь мольба усердная
Скорбных к Ней обращена,
И отраду, Милосердная,
Щедро всем дарит Она.

Другим любопытным свидетельством равнодушного отношения Ознобишина к местной культуре является найденная в начале XX века в оренбургском архиве писателя и почему-то до сих пор не учтенная нашим краеведением небольшая рукопись «К истории города Смоленска» с подзаголовком «Автобиография И. Г. Тыртова»². Известный когда-то в городе цветовод и актер Иосиф Гаврилович Тыртов рассказывает здесь о своей жизни и о созданном им любительском театре под названием «Жители города Смоленска». Написанная, судя по всему, по инициативе Ознобишина, «Автобиография И. Г. Тыртова» представляет сегодня немалый интерес для тех, кто занимается историей Смоленска и его культуры середины прошлого века.

* * *

Не исключено, что одним из побудительных мотивов к изучению Смоленска была для Ознобишина история его собственного, весьма древнего, корнями уходящего в XIV век, дворянского рода. Поэт не мог не знать старинного семейного предания о героической борьбе его предков в «смут-

ные времена российского государства», об их участии в обороне Москвы и Смоленска, о том, что кто-то из них «сложил свою голову на стене Смоленской, охраняя от осаждающих поляков башни оной»³. По единодушному утверждению биографов поэта, одна из башен долгое время после того даже именовалась «ознобишинской» — правда, местными историками и краеведческой литературой это покамест не подтверждается. Однако сам факт участия Ознобишиных в обороне нашего города, несомненно, имел место. К примеру, в одном из найденных в начале XX века документов смоленского воеводского управления за 1610 год содержится любопытное донесение караульчиков Афанасия и Кузьмы Ознобишиных о побеге из города нескольких обывателей, в том числе священнослужителя, которые попросту спрыгнули ночью со стены на польскую сторону⁴. Так что поэт, действительно, имел «личный счет» в смоленской истории, и не без лирического чувства должен был писать о взорванном соборе, о Резницкой улице и т.п. Город вообще пришелся ему, что называется, по душе и представлялся не только заслуженным, но и очень красивым: «Дивная панорама открывается с Покровской горы путешественнику, в ясный летний день подъезжающему к городу Смоленску»⁵.

Положение и связи Ознобишина в смоленском «бомонде» и среди интеллигенции остаются неясными. Не подлежит, однако, сомнению его близость с «правительствующим семейством». В 1859 году в очередной «Памятной книжке...» он публикует некролог Юлии Ивановне Ахвердовой — рано, на 39-м году, скончавшейся супруге смоленского губернатора⁶. Кроме того, в одном из фондов областного архива нами обнаружено его письмо к самому Николаю Александровичу Ахвердову, отправленное из Петербурга 1 марта 1855 года (поэт частенько навещался в Москву и Петербург)⁷. Правда, оно мало что проясняет в отношениях между ними, поскольку имеет официальный, даже своего рода ритуальный характер («священный обряд», по определению Ознобишина): как член губернского попечительства о детях, поэт выражает губернатору соболезнование в связи со смертью императора Николая и высказывает надежду на «силу, крепость и мудрость» нового царствования. Письмо содержит также упоминание о болезни, от которой «и донныне еще» страдает его отправитель, и заканчивается, как принято, заверениями в преданности Ахвердову и его «любезнейшей супруге».

Последние два десятилетия Ознобишин живет уже далеко от Смоленска, в Оренбургской губернии, в родовом имении Троицкое. Это было не легкое время. Тяжелым ударом стала для него смерть от родов в 1863 году второй жены — 24-летней Терезы Константиновны Сенявиной. Как писатель он давно остался в прошлом и нисколько не интересовал трезвое, прозаическое и бесцеремонное поколение «реалистов» и «нигилистов». Продолжало ухудшаться здоровье. Усиливались мистические настроения. Однако и в это время сохраняется какая-то, пусть формальная, связь со Смоленщиной. По крайней мере, в 1870 году престарелый поэт все еще числится членом смоленского попечительства детских приютов, в которое вошел около 15 лет тому назад, когда его возглавляла покойная Юлия Ивановна Ахвердова⁸.

Таковы только некоторые, разрозненные свидетельства о пребывании в нашем городе когда-то известного русского поэта. Дальнейшие, в особенности архивные разыскания (прежде всего в хранилищах Москвы и Петербурга) могли бы, вероятно, существенно пополнить смоленскую страницу его биографии. Не исключено, впрочем, что какие-то относящиеся к ней документы, подобно письму к Ахвердову, находятся и в архивных фондах Смоленской области.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Памятная книжка Смоленской губернии на 1856 год. Смоленск, 1856, стр. 11—26.
2. См.: Русский архив, 1915, № 1.
3. Биография Дмитрия Петровича Ознобишина. СПб., 1878, стр. 3—4.
4. Смутное время Московского государства (1609—1611). Под ред. Ю. В. Готье. М., 1912, стр. 118.
5. Памятная книжка Смоленской губернии на 1856 год, стр. 11.
6. Несколько слов над могилой Ю. И. Ахвердовой.—В кн.: Памятная книжка Смоленской губернии на 1859 год. Смоленск, 1859.
7. Государственный архив Смоленской области, фонд 1, № 247 («Дело по письму колл. ассессора Ознобишина...»).
8. См. состав попечительства детских приютов в кн.: Памятная книжка Смоленской губернии на 1870 год. Смоленск, 1870.